

На правах рукописи

Л. Б. ЕРЗАКОВИЧ

ОСЕДЛАЯ КУЛЬТУРА
ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА
XIII—XVIII вв.

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩ ЧУЙСКОЙ И
ТАЛАССКОЙ ДОЛИН, СЕВЕРНЫХ СКЛОНОВ КАРАТАУ)
(Историко-археологический очерк)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель —
кандидат исторических наук
А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

ЛЕНИНГРАД
1966

Работа выполнена в Ленинградском Отделении Института археологии АН СССР и в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР.

Защита состоится в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР « » 1966 г.

В Средней Азии и Казахстане оседлая культура периода после монгольского нашествия до сих пор изучена значительно слабее, чем политическая история этого времени, которая достаточно полно освещена в фундаментальных трудах В. В. Бартольда, в работах А. Ю. Якубовского, А. М. Белевицкого и других советских историков. Совершенно неисследованными остаются археологические памятники позднего средневековья. В этой области археологии определенные усилия предпринимаются лишь в Хорезме.

В Казахстане развитие археологического исследования областей оседлой культуры шло по линии изучения времени возникновения городов и оседлых поселений, в основном ранних этапов их развития, связей оседлого и кочевого населения. Эти вопросы в настоящее время исследованы сравнительно полно благодаря многолетним археологическим исследованиям. В ходе изучения памятников оседлого населения были затронуты и слои монгольского времени на городищах Кысмычи, Садыр-Курган, Тараз, Сарайчик и ряде других объектов (А. Н. Бернштам, Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, А. Х. Маргулан). В литературе нашел отражение большой подъемный материал, собранный на городищах Южного Казахстана (Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич). Анализ имеющихся материалов позволил исследователям прийти к выводу, что большинство городищ Южного Казахстана было разрушено в ходе монгольского завоевания. Окончательный удар оседлой культуре был нанесен восточными походами тимуридов и шейбанидов и в целом городская культура на территории Южного Казахстана прекратила существование к XV—XVI вв. (А. Н. Бернштам, Е. И. Агеева).

Однако выводы археологов находились в противоречии с данными письменных источников, где нет сообщений о разрушении монголами городов на территории Южного Казахстана вплоть до Отрара. В истории восточных походов Тимура отсутствуют упоминания об осадах городов, а сведения о городах на Сыр-Дарье и склонах Каратау встречаются в источниках вплоть до XVII—XVIII вв.

В датировках керамики имелась существенные ошибки: в материалах Тараза, городищ среднего течения Сыр-Дарьи и склонов Каратау наряду с керамикой XIII—XV вв. было немало образцов более позднего времени, а именно XVI—XVIII вв.

Целью настоящей работы было: восполнение пробела в изучении оседлой культуры Южного Казахстана специальными археологическими исследованиями городищ послемонгольского времени; выяснение некоторых черт позднесредневекового города; уточнение хронологической периодизации керамики; выяснение причин упадка оседлой культуры и границ распространения этого явления.

Археологическое изучение оседлой культуры районов долины Чу и Таласа и северных предгорий Каратау осуществлялось автором в 1964—1965 гг. в составе Семиреченской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, руководимой К. А. Акишевым. Основными объектами изучения были городище Аспара в Чуйской долине и Сузакское городище в северных предгорьях Каратау. При этом был получен значительный, четко датированный материал, пополненный данными раскопок Е. И. Агеевой и Т. Н. Сениговой в Таразе в 1961—1962 гг.

Помимо материалов, полученных при раскопках, автором привлечены музейные коллекции керамики, хранящиеся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (Ленинград), Центральном музее Казахстана (Алма-Ата), Музее истории Киргизской ССР (Фрунзе), Джамбульском и Чимкентском областных музеях, Музее истории народов Узбекистана (Ташкент), Музее истории культуры народов Узбекистана (Самарканд) и коллекция позднесредневековой керамики Бухары С. Н. Юренева.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения в виде альбома иллюстраций.

В первой главе сделана попытка освещения некоторых аспектов монгольского завоевания, имеющих непосредственное отношение к судьбам оседло-земледельческой культуры изучаемого района.

Сведения письменных источников, данные этногенеза, антропологии, лингвистики, топонимики свидетельствуют о том, что монгольское завоевание сопровождалось переселением тюрко-монгольских племен на территории Казахстана, Средней Азии, Ирана, Китая. Это явление было вызвано различными причинами.

Сложение феодальных отношений и образование монгольского государства проходило в упорной борьбе соперничавших между собой предводителей крупных тюрко-монгольских племенных союзов Центральной Азии. В ходе борьбы часть

племен была вынуждена признать политическое господство монголов, другая была вытеснена с постоянных мест обитания. Так, в начале XIII в. на территории Казахстана появляются значительные массивы кочевых скотоводческих племен: найманов, меркитов, керейтов и других. После монгольского завоевания часть племен осталась на завоеванных территориях или пришла сюда в составе войска, выделявшегося царевичам улусов. Перемещение тюрко-монгольских племен имело место и позднее, в ходе междинастийной борьбы царевичей-чингизидов.

Результаты перемещения были весьма ощутимы в том смысле, что вновь прибывшие племена занимали культурные земли, которые обрабатывались местным оседлым населением. По данным письменных источников этот процесс протекал особенно интенсивно в Семиречье, где были превосходные пастбища. Отрицательное влияние на оседлую культуру оказывали и такие моменты, как более низкий уровень общественного, хозяйственного и культурного развития вновь прибывших племен по сравнению с завоеванными народами.

Хотя переселение тюрко-монгольских племен имело место как в Казахстане, так и в Средней Азии, последствия этого явления были качественно различны. В Семиречье, стране сильного влияния кочевых элементов в политической и хозяйственной жизни, приход новой массы скотоводческих племен способствовал тому, что восточная часть Чагатайского улуса (впоследствии Моголистан) сложилась как страна с преимущественно скотоводческо-кочевым населением. Со стороны отдельных ханов предпринимались попытки остановить процесс запустения городов, примирить интересы оседлого и кочевого населения (Таласский курултай), но они окончились полной неудачей.

Города в долинах рек Или, Чу, Талас подверглись сильным потрясениям в середине XIII в. и начале XIV в., когда на территории Чагатайского улуса разгораются междоусобные войны. В ходе борьбы за власть в улусе и великоханский престол не раз опустошались Тараз, Койлык, Алмалык и многие другие города, бывшие ставками или просто входившие в сферу влияния различных враждующих между собой группировок монгольской военно-кочевой знати. Не только прямые разрушения городов, но и незаконные поборы, грабежи, т. е. все то, что порождало смуты, отсутствие сильной центральной власти — все это крайне отрицательно сказывалось на оседлой культуре. По сведениям источников, часть городов погибла в ходе междоусобных войн и физического истребления населения, другие города пустыли в результате того, что оседлое население в долинах Чу, Таласа покидало обжитые места и уходило в Фергану, Мавераннахр.

Во второй главе рассматриваются результаты историко-археологического исследования городищ Южного Казахстана: Аспары, Тараза, Сузака.

Городище Аспара расположено в Чуйской долине у с. Чолдавар Меркенского р-на Джамбульской области. отождествляется с городом Аспара письменных источников IX в., в конце XIV в. Аспара укреплена по приказанию Тимура и упоминается в источниках до начала XVI в.

Раскоп площадью 350 м² был заложен в цитадели с таким расчетом, чтобы исследовать крепостной вал и линию слабых всхолмлений вдоль него. Работы приостановлены на слое караханидского времени (глубина раскопа до 2 м). Зафиксировано два разновременных строительных периода XIII—XVI вв., планировка которых не совпадает.

К нижнему строительному периоду относятся семь помещений жилого и хозяйственного назначения, связанных между собой проходами. К деталям внутренней планировки относятся суфы, ниши, очаги, печи, выгребные ямы и ямы для хранения зерна. Сохранившаяся высота стен 50—80 см, сложены они из сырцового кирпича размером 48×20×10 см и оштукатурены в два-три слоя. Все стены возведены без фундамента на завале предшествующего времени, полы глинобитные. Перекрытия из балок и камыша. Помещения нижнего строительного периода погибли в огне пожара, возникшего во время осады крепости, о чем свидетельствуют остатки обгоревших перекрытий, обожженные стены, наконечник стрелы, вонзившийся в пол, большое количество костей человека.

Строительный горизонт датируется XIII—XIV вв. поливной керамикой, покрытой голубыми и зелеными глазурями, и черешковым плоским железным наконечником стрелы с уступом, удлиненно-ромбической формы.

Между верхним и нижним строительными периодами нет следов длительного запустения. Помещения нижнего строительного периода были забутованы, затем залиты слоем глины и на этой основе возведены постройки верхнего строительного периода, из которых раскопано восемь помещений жилого и хозяйственного назначения с закромами и ямами, печами и очагами. Стены сохранились в высоту на 60—70 см, сложены из сырцового кирпича размером 36×22×7 см. Полы помещений глинобитные, сверху выложенные сырцовыми кирпичами. Перекрытия из деревянных балок и камыша. Отмечены следы внутренней перепланировки.

Между помещениями верхнего строительного периода и крепостной стеной находится дворик с хаузом. У крепостной стены расположен айван и три жилых помещения. Приставные стены помещений (высота 2,2 м) сделаны уступами и пе-

рекрытия были в наиболее высокой части, у крепостной стены, благодаря чему перекрытия служили одновременно сплошной стрелковой площадкой вдоль крепостной стены. Крепостная стена сложена из очень плотных сырцовых кирпичей размером $42 \times 26 \times 8$ см, высота сохранившейся части стены около трех метров (от пола помещений).

Верхний строительный период датируется XV—XVI вв. по стратиграфическому положению, а также монетой 1392/93 г. (определение Е. А. Давидович) и лопаткой коровы с надписями на тюркском языке, которые по ряду признаков можно отнести к XV в. (С. Н. Муратов).

На городище Аспара были заложены шурфы в разных частях: в южной пристройке к цитадели, на территории шахристана, в башне шахристана, на одном из холмов за пределами центральных развалин — на территории, огражденной длинными валами. На шахристане и башне получены материалы, одновременные с материалами из цитадели, но на шахристане отсутствуют следы построек, имеются лишь мощные гумусные слои. В остальных частях городища материалы монгольского времени отсутствуют.

В Чуйской долине насчитывается еще шесть городищ, имеющих слои XIII—XIV вв., но лишь одно городище — Аспара, продолжает существовать вплоть до XVI в. В целом для городищ Чуйской долины интересующего нас времени характерно ограничение территории, на которой продолжается жизнь после нашествия монголов. В цитадели Аспары сосредоточены все постройки жилого и хозяйственного назначения. На рубеже XIV—XV вв. цитадель укрепляется мощными оборонительными стенами, на месте разрушенных помещений XIII—XIV вв. возводятся новые постройки, роются хаузы — водохранилища и колодцы, остатки которых хорошо прослеживаются в топографии цитадели. Вдоль крепостных стен, между постройками у стены и внутри цитадели, оставляется незастроенное пространство для маневрирования у крепостной стены на случай осады.

Слабая всхолмленность шахристана, отсутствие остатков строительных конструкций и мощные гумусные наслоения дают основание предполагать, что на шахристане после XII в. не возводятся крупных построек, он был местом, где содержался скот. Постройки за пределами центральных развалин, на территории, огражденной длинными валами, перестали существовать после XII в., так же как и на других городищах с длинными валами в Чуйской долине.

В источниках XV в. Аспара упоминается как крепость, построенная Тимуром для борьбы с Моголистаном. Но археологические материалы расширяют представление о назначении крепости и составе населения. За стенами цитадели, кроме

гарнизона тимуридских войск, находилось население, которое занималось земледелием и скотоводством, гончарным и металлургическим ремеслами.

Можно предполагать, что топография и планировка Аспары, в некоторой степени выявленные археологическими раскопками, характерны для города послемонгольского времени.

В Таласской долине материалы послемонгольского времени получены на городище древнего города Тараза, имя которого часто встречается в источниках XIII — нач. XIV вв. Однако исследование городища связано с большими трудностями, т. к. его территория занята современными постройками г. Джамбула.

Археологическими раскопками исследована юго-восточная часть шахристана Тараза и выявлена стратиграфия верхних слоев по срезу котлована для здания. Первый строительный горизонт (сверху) относится к сер. XIX — нач. XX вв. Второй строительный горизонт датируется XV—XVI вв. и отмечен остатками фундамента, сложенного из камня-плитняка. Третий строительный горизонт представлен частью фундамента из камня-плитняка и датируется XIII—XIV вв. Четвертый строительный горизонт выявлен участками фундаментальных кладок, линзами очагов открытого типа, кусками рушепной кладки и выгребной ямой. Датируется концом XII—XIII вв. Аналогичная стратиграфия получена по срезам котлована в юго-западном секторе шахристана. В монгольский период обживалась также часть таразского рабада, к западу от шахристана. Планировку верхнего строительного горизонта рабада зафиксировать не удалось, т. к. она совершенно нарушена захоронениями староузбекского кладбища.

В Таласской долине находится еще одиннадцать городищ, верхние слои которых датируются XIII—XIV вв., на городище Садыр-Курган (Янги-Талас источников) имеется слой XV в. (А. Н. Бернштам).

Оседлая жизнь в Таласской долине после монгольского нашествия продолжается на старых городищах, но материалы XIII—XIV вв. в большинстве случаев получены лишь с небольших площадей шахристана или рабада, аналогичная картина наблюдается и на городищах Чуйской долины. Этот факт свидетельствует об упадке городской жизни и ограниченности территории города, на которой продолжается жизнь в послемонгольское время. Не случайно также, что цитадели, как наиболее укрепленная часть города, не дают материалов XIII—XIV вв.¹ Из источников известно, что после взятия городов монголами разрушались прежде всего городские стены

¹ В Аспаре цитадель восстановлена в конце XIV в. как наиболее возвышенный и труднодоступный участок городища — обстоятельство важное для пограничной крепости.

и цитадели. У городов, возникших в монгольский период, также отсутствуют укрепления (города Тувы, Нижнего Поволжья). Это обстоятельство объясняется исключением возможности сопротивления монголам со стороны населения городов.

По сравнению с Чуйской долиной, в Таласской долине почти в два раза больше городищ монгольского времени, что объясняется близостью Таласской долины к районам Средней Азии, влияние которой на оседлую культуру и на самих монголов несомненно было значительным. Возможно, что потребность в серебре для казны чагатаидов и использование древних выработок на серебро (восточная окраина Таласа) также стимулировали городскую жизнь в Таласской долине (М. А. Бубнова). Тем не менее, на рубеже XIV—XV вв. замирает городская жизнь и в Таласской долине. Картина запустения городищ в долинах Чу и Таласа разительная. В этих районах, некогда бывших центрами развитой оседло-земледельческой культуры, где в домонгольский период находилось в общей сложности около двухсот пунктов оседлой деятельности человека, в XIII—XIV вв. насчитывается лишь около двух десятков городов, где жизнь продолжается в очень скромных размерах. Кризис оседлой культуры был вызван явлениями, сопутствовавшими монгольскому завоеванию: давлением на оседлые районы массы новых кочевых скотоводческих племен, отсутствием сильной центральной власти и междоусобными войнами на территории Чагатайского улуса.

Упадок городов отнюдь не означает, что оседлое население и земледелие на территории долин Чу и Таласа вообще исчезло. В Аспаре, Таразе, Садыр-Кургане отмечаются следы обживания городищ в XVI и XVII—XVIII вв. и можно предполагать, что оседлая среда несомненно пополнялась за счет оседающих на землю кочевников-скотоводов. Но города как центры торговли и ремесла, культурные центры после XV в. отсутствуют на территории Чуйской и Таласской долин.

На северных склонах Каратау находится шесть городищ, верхние слои которых датировались предшествующими исследователями монголо-тимуридским временем (А. Х. Маргулан, Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич). Основные работы автора были сосредоточены на городище Сузак, в котором шурфами исследовался комплекс из трех бугров общей площадью около 20 гектаров. Город Сузак хорошо известен по письменным источникам XIII—XIX вв. На основании строительных остатков в культурном слое общей мощностью 5,5 м выявлено шесть строительных горизонтов, которые в хронологическом отношении делятся на пять периодов: 1) XIX — нач. XX вв., датирован русскими монетами 1864 г. и 1912 г.; 2) XVII—

XVIII вв.; 3) XV—XVI вв., датирован медными монетами бухарского чекана XV—XVI вв.; 4) XIII—XIV вв.; 5) XI—XII вв. Шурфы на городищах Ак-Сумбе и Кумкент, подъемная керамика с других городищ не дали материала позже XIII—XIV вв. На Кумкенте и Саудакенте имеются также слои кокандского времени.

Как показали археологические исследования, жизнь на городище Сузак, в отличие от других оседлых центров северного Каратау, продолжалась непрерывно вплоть до начала XX столетия. На основе стратиграфии шурфов можно высказать некоторые соображения о различных периодах в жизни города.

Предшествующие исследователи считали, что Сузак в основных чертах своей планировки сложился разновремененно, и предполагалось, что наиболее древней частью была центральная. Археологические данные подтвердили это предположение. Наиболее ранние слои обнаружены на центральной части развалин, слой монгольского времени (XIII—XIV вв.) также имеется лишь на центральных развалинах, причем насыщенность слоя этого времени культурными остатками далеко уступает более поздним слоям.

Период наиболее интенсивного обживания городища относится к XV—XVI вв. Территория города значительно расширяется (все три площадки городища дают материалы XV—XVI вв.), мощность культурного слоя достигает почти двух метров. Это обстоятельство требует объяснения.

В XIV—XVI вв. города на Сыр-Дарье и склонах Каратау имели большое значение как политические, экономические и культурные центры Ак-Орды, а затем Казахских ханств. По сведениям источников, города Сыгнак, Аркук, Яссы (Туркестан), Сайрам и другие были крупными торговыми центрами. Несомненно, что Сузак также входил в число городов, имевших политическое и экономическое значение в истории казахских ханств, о чем и свидетельствуют слои XV—XVI вв. на городище.

Менее выразительными по культурным остаткам оказались слои XVII—XVIII вв., мощность этого слоя всего лишь около метра. По-видимому, постоянные набеги кочевников Джунгарии наложили свой отпечаток и на состояние городской жизни в Сузаке.

Находки ташнау, тандыров, элементов архитектурного декора — облицовочных кирпичей с поливой, терракотовых плиток, большое количество поливной керамики, шлаки керамические и металлургические — все это свидетельствует о развитой городской жизни Сузака в послемонгольский период. Интересно, что в шурфе на центральной площадке тандыры и хумы встречены почти во всех строительных горизонтах. Слу-

чайно ли это? Из средневековых письменных источников известно, что базары в городах располагались по строго определенному профилю ремесла и в определенных местах. Возможно, что шурф вскрыл часть территории Сузака, которая на протяжении нескольких столетий была местом активной хозяйственной (выпечка лепешек) и, по-видимому, торговой деятельности, так как именно здесь найдены монеты — находка весьма редкая на южноказахстанских городищах.

На двух поддонах XV—XVI вв. поливной керамики с внешней стороны имеются знаки, процарапанные от руки. Один из них в виде креста, другой состоит из трех концентрических кругов, перечеркнутых двумя параллельными линиями. Происхождение одного из знаков удалось установить после сбора подъемной керамики на городище древнего Отрара в 1965 г. Там был встречен фрагмент чаши совершенно аналогичной сузакской и с крестообразным знаком на поддоне. Случайная находка, прежде всего, устанавливает факт торговых связей Сузака и Отрара в XV—XVI вв. Интересно также, что сами знаки весьма напоминают родовые тамги казахов. На этом основании можно предположить, что керамические мастерские принадлежали главам тех или иных казахских родов. Это предположение находит некоторые параллели в источниках, из которых известно, что казахские ханы несколько месяцев в году жили в городах на Сыр-Дарье и Каратау, брали с них подать, строили в городах дома и получали доход с них и т. д.

Нет оснований сомневаться в том, что и местное скотоводческое население имело определенное влияние на жизнь позднесредневековых городов и, в частности, Сузака. Но насколько сильной была тяга в город рядовых кочевников, джатаков — разорявшихся скотоводов, оседающих на землю — пока неясно. На материалах из Сузака можно лишь отметить, что форма чаш XV—XVI вв. дошла до наших дней в казахской деревянной посуде «тостаган», а некоторые элементы орнамента XV—XVIII вв. присутствуют в современном казахском орнаменте.

Стратиграфическое исследование Сузака во многом уточнило представление о времени запустения городища, которое относилось к XVI веку. Продолжительное существование Сузака как города отнюдь не изолированное явление на общем фоне состояния оседлой культуры в соседних с Сузаком районах — на Сыр-Дарье и южных склонах Каратау. Знакомство с подъемными материалами Отрара, Сыгнака, Саурана, Икана, Туркестана и других городищ и сравнение их с материалами из Сузака убеждает в том, что и там жизнь продолжалась вплоть до XVII—XVIII вв. и протекала весьма интенсивно. Например, на городище древнего Отрара керамика

XVI—XVIII вв. составляет основную массу подъемного материала.

В третьей главе рассматриваются некоторые черты материальной культуры послемонгольского времени, в основном на изделиях керамического ремесла.

В Чуйской долине (нижний строительный период Аспары) неполивная керамика XIII—XIV вв. в основном ремесленного производства. Ведущие типы посуды: котлы, хумы, кувшины. Котлы большие по размерам и с самой различной профилировкой краев. Характерна круглая дугообразная ручка. Хумы имеют яйцевидный корпус без шейки, массивный полочковидный венчик. Большинство фрагментов покрыто сероватым ангобом. Встречается прочерченный орнамент в виде арок по тулову, замятый край венчика пальцами. У кувшинов высокое прямое горло и плоские коленчатые ручки, не поднимающиеся выше горловины. Встречается прорезной волнистый орнамент. Чашы по форме полусферические на кольцевом поддоне с выступом внутри, закраина прямая. Отмечены также сосуды баночной формы, типа пиалы, глиняный столик на трех низких ножках для выделки лепешек.

Поливная керамика представлена лишь фрагментами чаш, пиал, чирагов, покрытых толстым слоем голубой поливы, а также зеленой, светложелтой и коричневой.

Неполивная керамика XV—XVI вв. сделана на гончарном круге, причем большая часть керамики (41%) формовалась техникой раздельной лепки дна и тулова. Для котлов характерны «крученые» и круглые дугообразные ручки. У хумов имеется небольшая шейка и массивный налепной венчик в виде выступающей наружу полочки, чуть округленной сверху. На внешней поверхности полочки снизу имеются углубления округлых или ромбических форм. Кувшины с сильно вытянутым туловом, несколько расширяющимся вверх. Горловины прямые и высокие, с утолщением по закраине, слегка отогнутой наружу. Встречаются украшения на тулове в виде линейного прочерченного орнамента. Имеются также кувшины большого размера без ручек с прямой высокой горловиной и овальным туловом. Крышки плоские с низкими цилиндрическими ручками и широкими головками. На внешней поверхности прорезные линии пояском. Тагора имеют прямой борт, сильно скошенный ко дну. Закраина отогнута наружу под прямым углом.

Поливной керамики очень мало. Характерен фрагмент кувшина с бирюзовой поливой внутри и фрагмент селадонного блюда зеленовато-бирюзового цвета с плотным сероватого цвета черепком.

В керамике Аспары прослеживается преемственность с материалами караханидского времени городищ Чуйской и Ю.

Таласской долины. Переживание в технических приемах станковой посуды архаических черт (раздельная лаека плоскости дна и тулова), незначительное количество поливной посуды, часть которой привозная (кашин, селадон) свидетельствует об упадке керамического производства.

В неполивной керамике Таласской долины XIII—XIV вв. нельзя заметить четких отличий от керамики предшествующего времени, но некоторые формы являются характерными. У котлов это серповидные ручки и в виде уступа. Горшковидной формы сосуды с широким невысокими цилиндрическими горловинами с небольшой петлеобразной ручкой плоской в сечении. Тагора большие массивные, с широким отогнутым наружу венчиком, иногда замятым «волнами» в нижней части. Крышки плоские или с сильно загнутыми вверх краями. Ручки цилиндрические.

В поливной керамике выделяется группа, датированная концом XII—XIII вв. По типам посуды это преимущественно конусообразные чаши с характерным тупым углом при переходе от поддона к тулову. Поддон слегка вогнут или переходный к кольцевому. Внутренняя поверхность сосудов покрыта светлым или красновато-коричневым ангобом. Полива светлых тонов различных оттенков желтого, зеленого цвета. Подглазурный орнамент располагается на дне или по краю борта. Это весьма условная «вихревая» розетка или поясok стилизованного буквенного орнамента, а также подглазурный прорезной орнамент (стилизованные растительные сюжеты) отдельными поясками.

Более поздняя группа керамики, датируемая XIII—XIV вв., покрыта голубой глазурью. По типам это блюда и чаши на вогнутом поддоне с «шишечкой» или кольцевом поддоне. Орнамент выполнялся синей и черной красками, гравировкой или рельефом. Основные мотивы орнамента геометризированные и растительные с четкими контурами листьев. В композиционном отношении заметно стремление меридионально расчленить плоскость сосуда. На внешней поверхности встречается орнамент в виде арок. Вся керамика в основном глиняная, изделий из кашина очень мало.

Керамика XV—XVI вв. только неполивная. Хумы с овальным туловом, небольшой, но четко выраженной цилиндрической горловиной, заканчивающейся широким венчиком в виде площадки. В верхней и средней частях тулова имеются группы косых глубоко врезанных насечек. Кувшины с овальным туловом и закраиной, площадкой отогнутой наружу. Сбоку носик — слив в виде цилиндра, ручки массивные вертикальные. По тулову проходит поясok волнистого орнамента, нанесенного гребенкой.

В стратиграфии Тараза слоев XVII—XVIII вв. не отме-

чено. Однако в раскопках и среди случайных находок имеются отдельные образцы поливной керамики XVII—XVIII вв. Это широкие блюда и чаши с плоским поддоном и слегка отогнутым бортиком. Внутренняя поверхность концентрическими кругами разбита на две или три плоскости, которые заполнены стилизованным растительным орнаментом или тамгообразными знаками с лучами — «басма» (термин, предложенный С. Н. Юрневым).

Керамика городищ *северных склонов Каратау*. Неполиваная керамика XIII—XIV вв. в основном станковой работы, лишь среди котлообразных сосудов встречаются сделанные вручную. Горшковидные сосуды с прямой невысокой горловиной, отогнутой наружу. Иногда по краю горловина обрамлена жгутом с защипами пальцев. Тагора неглубокие, с прямыми бортами, закраина отогнута наружу под прямым углом. Внутренняя поверхность тагора с красным или коричневым лощением. Кувшины двух видов. Широкогорлые имеют невысокую прямую или слегка расширяющуюся горловину и небольшую плоскую ручку в верхней части. Узкогорлые такой же формы, но плечики широкие и крутые. Внешняя поверхность покрыта серым или красноватым ангобом, иногда с лощением в верхней части тулова. Встречается спиралевидный орнамент, нанесенный черной краской. Хумы сделаны на круге по частям. Форма тулова яйцевидная, без шейки, с массивным полочковидным венчиком, отогнутым наружу. Встречаются также чаши с высоким полусферическим туловом и закраиной, слегка отогнутой наружу. Поддон полукольцевой с выступом. Внутренняя поверхность покрыта красновато-коричневым ангобом.

Поливаная посуда XIII—XIV вв. представлена в основном чашами, аналогичными описанным выше. Они покрыты густым красновато-коричневым ангобом и прозрачной глазурью, иногда желтой или зеленоватой. Роспись в виде геометризованных рисунков или «вихревой» розетки, на внешней поверхности арочный орнамент. Отдельную группу составляют чаши с зеленой поливой без орнамента.

Неполиваная керамика XV—XVI вв. Сосуды больших размеров лепились по частям на круге, мелкие в большинстве случаев сделаны техникой отдельной формовки плоскости дна и тулова. Кувшины по форме повторяют кувшины XIII—XIV вв. Но появляется наклепанная закраина, треугольная в сечении или просто утолщение. Внешняя поверхность покрыта красным или коричневым ангобом, иногда в виде орнамента «елочкой». На широкогорлых кувшинах имеется орнамент, выполненный штампом в виде поясков мелких ромбов, опоясывающих горловину. Тагора с прямым туловом, плавно переходящим в дно, закраины отогнуты наружу под

прямым или близким к нему углом. Сверху по закраине волнистая прорезная линия и насечки по внешнему краю. Все тагора красноангобированные, часто с лощением. Горшковые образные сосуды разного назначения: столовые — сделаны на гончарном круге, горловина прямая и маленькая петлеобразная ручка; кухонные — аналогичны по форме, но ручной лепки. Украшение в виде неглубоких насечек по краю венчика или по бокам ручки. В большом количестве встречаются фрагменты хумов с вертикальными глубокими насечками и потеками красноватого и коричневого ангоба. Профилированный край венчика отогнут наружу площадкой. Встречаются также обломки тарелок с пологим бортиком и закраиной, сильно отогнутой наружу, и чаши, аналогичные поливным.

Поливная керамика XV—XVI вв. покрыта поташной поливой, бесцветной или окрашенной в голубой, бирюзовый, реже зеленый, кремовый и марганцевый цвета.

По типам это кувшины, тагора, аналогичные неполивным, но больше всего чаш, высоких полусферических по форме, на низком кольцевом поддоне. Стенка у поддона выпуклая, спрямляющаяся кверху, закраина имеет легкий отгиб наружу. Роспись посуды одноцветная или двухцветная: бирюзовая, марганцевая, светлокоричневая. Орнамент носит преимущественно растительные мотивы в свободной композиции, встречаются геометризированные узоры в виде перекрещивающихся ромбов. Орнаментом украшалась и внутренняя и внешняя поверхности.

В неполивной керамике XVII—XVIII вв. на имеющихся материалах незаметно отличий от керамики предыдущей хронологической группы.

Поливная керамика XVII—XVIII вв. покрыта глухой поташной поливой низкого качества поверх белого ангоба. Глазури бесцветные и окрашенные в голубой, бирюзовый или желтовато-коричневый цвета. По типам поливная посуда представлена в основном чашами полусферическими, широкими и неглубокими, на массивном кольцевом или дискообразном (слегка вогнутом) поддоне; край борта сильно отогнут наружу. Мотивы орнамента, выполненного бирюзовыми, черными или синими красками, однообразны: волнистые линии, расположенные пояском в сочетании с расплывчатыми пятнами. Новым элементом орнамента является круглый тамгообразный знак с лучами — «басма», которая поясами или группами расположена на внутренней поверхности сосудов, концентрическими кругами разбитой на две—три плоскости.

Отмечаются некоторые характерные признаки, сближающие керамику трех изучаемых районов: широкое распростра-

нение техники раздельной лепки дна и тулова в керамике XIII—XVI вв., идентичные формы чаш с очень характерным выступом на поддоне (XIII—XIV вв.), бытование хумов с венчиком в виде площадки и насечками на тулове и ряд других признаков, которые сближают наши материалы и с известными из Средней Азии. И все же это формальные признаки, появление которых вряд ли объясняется общностью или широкими культурными связями на изучаемой территории. Сходство в керамике наблюдается больше внутри районов, где также отмечается преемственность и повторение уже известных образцов по керамике домонгольского периода. И в целом на имеющихся материалах можно отметить, что в XIII—XIV вв. происходит консервация типов посуды, орнамента, технических приемов, что является свидетельством определенного застоя в производстве керамики.

Подъем производительных сил, имевший место в отдельных частях монгольской империи в XIII—XIV вв. не распространился на территорию Южного Казахстана. В материалах городищ исследуемого района не обнаружено керамики местного производства золотоордынского типа и очень слабо представлена тимуридская керамика. Расцвет керамического производства в Сузаке относится к XV (скорее вторая половина) — XVI векам, т. е. ко времени образования и усиления казахских ханств. Керамика XV—XVI вв. и более поздняя является продуктом местного производства (изделия из кашина отсутствуют), поливная посуда составляет почти половину всей коллекции керамики Сузака. Формы, орнаментация, цвета глазури очень близки среднеазиатским образцам, особенно керамике Самарканда (XV—XVI вв.) и Бухары (XVI—XVIII вв.). Это влияние не случайно. Судя по сообщениям источников, политическое господство казахских ханств распространялось на города вплоть до линии Сыр-Дарья — Ташкент, хотя в отдельные годы казахи и теряли эти города. Устойчивые связи казахских ханств с рынками и ремесленным производством городов создали благоприятные условия для расцвета местного производства и притока ремесленных сил из Средней Азии.

В четвертой главе прослеживаются направления караванных путей на территории Казахстана в период после монгольского нашествия.

По сведениям раннесредневековых письменных источников на территории Южного Казахстана через города Испиджаб, Тараз, Кулан, Мирки, Аспара проходила трасса «шелкового пути», связывавшего Центральную Азию со странами Запада. В первые десятилетия после монгольского нашествия трасса продолжала функционировать судя по сообщениям Карпини, Рубрука, Гетума, Ябалахи и Саумы, Пеголотти и других пу-

тешественников и послов. Из анализа маршрутов видно, что появляются и новые направления караванных путей, неизвестные раньше, в частности, участок маршрута через города северных склонов Каратау.

Транзитный караванный путь на территории Южного Казахстана продолжал функционировать вплоть до начала XV века. В дальнейшем маршрут проходил через Бухару, Ташкент, Ходжент, Кашгар, т. е. отрезок некогда оживленного караванного пути от Тараза до восточных районов Семиречья выпадает из торговых операций в связи с междоусобными войнами на исследуемой территории и тенденцией к ослаблению сухопутных торговых связей с Центральной Азией.

С середины XVI в. большую роль в хозяйственной жизни среднеазиатских и казахских ханств играет Россия. Политическое усиление, экономическая мощь России делают ее главным партнером в торговле со Средней Азией. В этой торговле западные территории Казахстана стали перевалочной базой для товаров, шедших из России в Среднюю Азию и обратно. В маршрутах караванов и посольств часто упоминаются города северных и южных склонов Каратау и районов Сыр-Дарьи.

Несомненно, что транзитная торговля через города на Сыр-Дарье и Каратау была важным стимулом, благоприятствовавшим сохранению городской жизни в этих районах вплоть до XVII—XVIII веков, в то время как города Таласской и Чуйской долин давно пришли в запустение, превратились в безымянные тепе и турткули.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

1. Городище Аспара в послемонгольское время (Чуйская долина). «Изв. АН Каз. ССР», серия общественных наук, вып. 3, 1965.
 2. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. (северные склоны Каратау). «Вестник АН Каз. ССР», 1966, № 5.
 3. О позднесредневековом городище Сузак (северные склоны Каратау). «Изв. АН Каз. ССР», серия общественных наук, вып. 3, 1966 (в печати).
 4. Лопатка коровы с тюркскими письменами на арабском алфавите из городища Аспара (Чуйская долина). (В соавторстве с С. Н. Муратовым). «Эпиграфика Востока», XVIII, 1966 (в печати).
-

Подписано к печ. 22/III-66 г.

М-08241

Зак. 589

Тираж 150

Бум. 60x92¹/₁₆

Объем 1 п. л.

Бесплатно

Типография № 6 Управления печати Ленгорисполкома
Ленинград, К-18, Институтский пер., 5.